

http://www.promegalit.ru/public/11014_roj_sosnovskij_vjacheslav_ovsjannikov_progulki_s_sosnoroj.html (дата обращения: 19.04.2015).

Соснора В. Всадники. – Л.: Лениздат, 1969.

Соснора В. Властители и судьбы : литературные варианты исторических событий. – Л.: Сов. писатель, 1986.

Соснора В. 15. – СПб. : Пушкинский фонд, 2004.

Шайтанов И. [Рецензия] // Вопросы литературы. – 2014. – № 5. – С. 408-409. – Рец. на кн. : Овсянников В. Прогулки с Соснорой. – СПб. : Скифия, 2013.

Шкловский В. Матвей Комаров житель города Москвы. – Л.: Прибой, 1929.

Ю.Г.Дорофеева

Саратов, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

А.С.Пушкин и Е.П.Люценко:

К вопросу формирования писательских мифов

Вокруг имени Пушкина существует множество самых разнообразных мифов, начиная со спора, каков был рост поэта, сколько имен следует включить в его «дон-жуанский» список и продолжая литературными баталиями, например, вокруг дружбы Пушкина и Гоголя. Обратимся к одному из мифов, связывающему великого поэта с фигурой второстепенного литератора – Ефима Петровича Люценко. В 1835 году под названием «Востола, или Желания» увидел свет перевод сказочной поэмы К.М.Виланда «Первонте, или Желания». На титульном листе значился 1836 год и указание «издал А.Пушкин». Имя Люценко, переводчика поэмы, не называлось, что позволило О.И.Сенковскому, Н.И.Надеждину, В.Г.Белинскому, С.П.Шевыреву приписать перевод Пушкину и обвинить его в упадке таланта, неуважении к публике, спекуляции своим громким именем. Вокруг литературного скандала, участники которого упорно замалчивали имя настоящего автора перевода, впоследствии сформировались два устойчивых мифа: Люценко – лицейский учитель Пушкина; Пушкин издал «Востола» по доброте душевной, даже не прочитав перевод.

Зачисление Люценко в лицейские учителя Пушкина является самым распространенным заблуждением в трудах, где упоминается забытый литератор. Ю.И.Масанов пишет: «Б.Л.Модзалевским было установлено, что переводчиком “Востола” являлся бездарный поэт Ефим Петрович Люценко (1776–1854), в прошлом лицейский учитель Пушкина» [Масанов 1963: 48–50]. Однако Модзалевский никогда не «возводил» литератора в наставники Пушкина, четко прописывая его должность в лицее – секретарь хозяйственного правления [Модзалевский 1898: 82]. В.Г.Дмитриев в монографии «Скрывшие свое имя», раскрывая некоторые из псевдонимов Люценко, также называет сочинителя лицейским учителем Пушкина [Дмитриев 1970: 148].

В.И.Новиков уверенно, но, наш взгляд, совершенно несправедливо считает, что Ефима Петровича Люценко «Пушкин <...> причислял к своим учителям» [Новиков 2008].

Миф о Люценко-учителе складывался постепенно, можно говорить о трех периодах его формирования.

Первый период – время издания сказочной поэмы, когда непосредственные участники события (переводчик Люценко, издатель Пушкин, его близкое окружение, литературные критики, рядовой читатель) намеренно не называют имя Люценко, скрывают его по ряду обстоятельств. Известие о «Вастоле» появляется в январских книжках «Молвы» и «Библиотеки для чтения». «Живописное обозрение», публикуя статью о Мильтоне, попутно раскрывает и имя переводчика поэмы Виланда: «Потом перевел поэму Мильтона, также плохо, в прозе, Е.Люценко (переводчик *Вастолы*, изданной А.С.Пушкиным)» [Живописное обозрение 1836: 294]. Но это упоминание «вскользь» осталось либо незамеченным (что маловероятно!), либо принципиально игнорировалось противниками Пушкина. Поэт только добился разрешения на издание «Современника», и О.И.Сенковский, видя в новом журнале реального конкурента своей «Библиотеки для чтения», обрушил шквальный огонь на «Вастолу» и Пушкина, оперируя двусмысленностью слова «издал». В «Современнике» Пушкин разъясняет слово «издавать» и подчеркивает невозможность раскрыть имя переводчика ввиду оскорбительных намеков. Н.Смирнов-Сокольский, называя атмосферу вокруг «Вастолы» дикой травлей Пушкина, размышляет: «Только собственное “письмо в редакцию” подлинного переводчика могло бы тогда полностью успокоить бурю. Но Пушкин не дал Люценко на растерзание. Поэт не мог не понимать, что какая-то доля вины во всем этом деле, несомненно, лежит и на нем самом. Ставя свое имя на книге “Вастола”, Пушкин пусть необдуманно, пусть совершенно бескорыстно, руководствуясь только благими целями, невольно вводил читателей в заблуждение» [Смирнов-Сокольский 1962: 425]. Ведь совсем недавно (в 1831 году) публика познакомилась с «Повестями покойного Ивана Петровича Белкина, изданными А.П.». Имя Пушкина, значащееся на обложке «Вастолы», затмевало личность переводчика, о нем, как правило, даже не вспоминали.

Если у Пушкина, Люценко, Сенковского, Надеждина, Шевырева были личные мотивы не раскрывать имя переводчика, то о молчании других современников можно лишь догадываться. Так, Алексей Демьянович Илличевский, будучи лицеистом, вероятно, слушал «Вастолу». Б.В.Томашевский пишет о сказочной поэме: «Можно предположить, что она не осталась безызвестной лицеистам, и как занимательная шутилая сказка в стихах, не противоречившая карамзинистским вкусам молодежи (ведь был же Карамзин поклонником ее прототипа “Душеньки”), могла в свое время произвести отнюдь не отрицательное впечатление» [Томашевский 1933: 573]. Илличевский встречался с Люценко на заседаниях Ученой республики, адресовал ему одну из своих эпиграмм (см. «Переводчику поэмы “Потерянный рай”») и мог назвать имя пере-

водчика «Вастолы», но не сделал этого (возможно, из-за верности лицейскому братству).

Сознательное умалчивание непосредственных участников процесса способствует созданию вокруг «Вастолы» атмосферы таинственности. На смену загадочности с течением времени приходит забвение. Наступает второй период формирования мифа: многих участников события уже нет в живых, оставшиеся «свидетели» неточно, смутно припоминают факты. Например, П.А.Плетнев отвечает на письмо Я.К.Грота: «“Вастолу” Виланда перевел какой-то бывший некогда учитель Пушкина (не могу вспомнить теперь его фамилию)» [Переписка 1896: 583]. Вероятно, этот ответ и стал источником ошибочного зачисления Люценко в учителя Пушкина.

Третий период – период изучения проблемы, формирования гипотез, искаженное толкование выдвинутого предположения другим исследователем. Б.В.Томашевский размышляет: «Не Люценке ли обязан Пушкин своим ранним знакомством с именем Виланда (см. в “Послании Юдину”: “Люблю... Вольтера, Виланда читать”), а в таком случае, быть может, в “Руслане и Людмиле” мы найдем стихи, навеянные воспоминанием о “Вастоле”» [Томашевский 1933: 573]. Для В.И.Новикова данное высказывание служит поводом назвать Люценко учителем Пушкина.

Обратимся ко второму мифу. Оказанную Пушкиным помощь в издании «Вастолы» исследователи однозначно рассматривают как благородный добрый поступок и как дань счастливому лицейскому времени. Основание для последнего предположения дает сам Пушкин в письме к Люценко: «Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста» [Пушкин 1949: 45], то есть, пушкинская верность «святому братству» сохраняет свою силу не только для учеников, но и для наставников «разных категорий». Эту идею постулирует В.В.Кунин: «Пушкин, для которого лицейские воспоминания были дороже многих других соображений, не вдаваясь особенно в качество перевода, рекомендовал Люценко Смирдину» [Последний год 1989: 50]. Об отзывчивости Пушкина по отношению к Люценко пишут и Б.Л.Модзалевский («Неосторожный поступок Пушкина, связавший его славное имя с ничтожным именем переводчика “Вастолы”, исключительно объясняется порывом благородной и доброй души, желавшей помочь бедняку» [Модзалевский 1898: 88]), и Н.Смирнов-Сокольский («О напечатании перевода в “Современнике” не могло быть и речи. Но Пушкин был отзывчивым и добрым человеком» [Смирнов-Сокольский 1962: 421]), и М. и С. Руденские («Издание Пушкиным “Вастолы” Люценко имело целью оказание материальной помощи переводчику. Это говорило о сердечной доброте Пушкина и прочности лицейских связей» [Руденская 1980: 146]).

Соглашаясь с доводами о верности Пушкина лицейскому окружению и о милосердии поэта, добавим еще одно обстоятельство. В 1796 – 1797 годах в «Приятном и полезном препровождении времени» был опубликован ряд стихов Люценко («Взор на будущее. К В. В. и М. Вас. Г. Чич***», «Эпистола. К другу. (Из деревни)», «Послание к другу. По возвращении из деревни»), которые, на наш взгляд, следует рассматривать

как цикл, отражающий последовательный автобиографический контекст. Благодаря упоминаемым в этих посланиях криптонимам, текстовым и околотекстовым топонимам мы установили, что по приезде из Малороссии литератор обрел второй дом в семье Чичериных. В их имении Березичи Люценко провел лето 1796 года. Род Чичериных и Пушкиных объединяла кровная связь, в 1825 году Василий Львович Пушкин получил Березичи в наследство от Варвары Васильевны Чичериной. Варвара Васильевна приходилась сестрой бабке Александра Сергеевича (жене Л.А.Пушкина) О.В.Чичериной. О том, что поэт хранил воспоминание о родственнице, свидетельствует письмо П.А.Вяземскому от 15 августа 1825 года, в котором Пушкин вспоминал «о ста рублях, данных ему “на орехи” “покойной бабушкой” Чичериной и “покойной тетужкой” А.Л.Пушкиной, перед его отъездом из Москвы в Петербург (июль 1811)» [Черейский 1976: 465]. Встреча с Люценко воскрешала в Пушкине не только лицейское прошлое, но и семейные предания.

Между тем никогда не ставился вопрос, почему Люценко обращается за помощью именно к Пушкину? Почему не к проверенному Д.Н.Шереметьеву, Н.И.Гречу, А.Г.Кушелеву-Безбородке или влиятельным знакомым по Вольному обществу любителей российской словесности? Здесь, безусловно, срабатывает «обратная связь»: Пушкин – лицеист, лицеисты были первыми «публичными» слушателями «Вастолы». Но за обращением к Пушкину стоят и более глубокие литературные предпосылки.

Описание автографа «Вастолы», данное Б.В.Томашевским, позволяет говорить о трех редакциях текста: 1807, 1820, 1834. В редакции 1834 года особую роль сыграли пушкинские тексты («Моя родословная», «Медный всадник», сказки). «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке» не могли не напомнить Люценко о «Вастоле»: первую роднит с переводом ряд международных мотивов (чудесные дети, изгнание оклеветанной жены, плавание по морю в бочке (ладье и т.п.), куда посажена девушка с ребенком, появление волшебного города на острове), вторую – международный сюжет о рыбе, исполняющей желания, в третьей звучит имя Дадона, заимствованное Пушкиным из лубочной «Сказки о славном и храбром богатыре Бове-королевиче».

Появление сказок Пушкина с их безупречно отточенным языком давало «новые формулы» для поэтов-подражателей. Р.Ю.Данилевский выдвигает гипотезу, что, «подготавливая перевод к печати, Люценко не избежал влияния пушкинских сказок», и указывает «на некоторое сходство стихов из “Вастолы”: “И сделал, думаю, не худо: / Принес к тебе такое чудо, / Пожив в волшебной стороне...” – со стихами из “Сказки о царе Салтане”: “За морем житье не худо, / В свете ж вот какое чудо...”» [Данилевский 1970: 369]. На наш взгляд, это сопоставление совершенно справедливо, более того, оно закономерно. В оригинале строки звучат так: «Довольно, в конце концов, я пожелал перенестись к вам таким, какой я есть, и, надеюсь, хуже от этого не будет» [Wieland 1796: 153. Перевод мой – Ю.Д.]. В целом поддерживая предположение Данилевского, мы скорректировали бы его следующим образом: под влиянием пушкин-

ских сказок Люценко осуществляет новую редакцию «Вастолы» и обращается с просьбой об издательской помощи именно к Пушкину, так как надеется заинтересовать первого русского поэта сочинением, имеющим точки соприкосновения с его собственными произведениями. Данилевский предполагает литературный интерес Пушкина к сочинению: «Не одно лишь стремление материально поддержать старого знакомого должно было побудить Пушкина принять на себя издание русского перевода “Первонте”. В этой поэме Виланда народно-сказочная основа ощущается явственнее, чем в каком-либо другом из его произведений, не исключая и “Оберона”. Образ деревенского простака, добывающего себе счастливую судьбу, хорошо известен русскому фольклору; не прошел мимо него и Пушкин (“Сказка о попе и работнике его Балде”). Знакомый сюжет, оптимизм и юмор сказки – все это не могло оставить Пушкина равнодушным» [Данилевский 1970: 366]. Похожее мнение находим и у В.П. Неустроева. Он считает, что Пушкина привлек «яркий сюжет, сходный с его “Сказкой о царе Салтане”» [Неустроев 1958: 395]. Чуть ранее, в 1834 году, поэт хотел содействовать П.П.Ершову в издании «Конька-горбунка», выпустив сказку с картинками, «по возможно дешевой цене, в огромном количестве экземпляров, для распространения по России» [Утков 1984: 449].

Таким образом, издание «Вастолы» – не только благородный порыв возмужавшего лицеиста, это переплетение разного рода обстоятельств, литературное действие. Кажется совершенно невероятным, чтобы Пушкин не прочитал текст и руководствовался лишь лицейскими воспоминаниями. Б.Л.Модзалевский не согласен с предположением П.В.Анненкова о том, что Пушкин «пересмотрел» «Вастолу» «и, вероятно, исправил в некоторых местах. Под заметкой его должна была стоять и подпись изд<ателя>, выпущенная только от типографского недосмотра» [Анненков 1984: 371]. Анненков прав в своем предположении, но ошибается в том, что отсутствует заметка издателя: наряду с примечаниями переводчика в тексте есть одно примечание издателя – «Это прибавление Переводчика от своего лица. *Изд.*» [Вастола 1836: 16]. Оно доказывает, что Пушкин с вниманием отнесся к переводу, в полной мере взяв на себя обязанности издателя.

Перевод «Вастолы» стал главным, судьбоносным в жизни Люценко. Молчавший более десяти лет (с 1824 года), он решил публикацией «Вастолы» завершить свой творческий путь. На наш взгляд – именно решил, а не был вынужден. «Вастола» прозвучала как последнее слово, слово-ностальгия об ушедшем XVIII веке, и, словно вторя жанровым принципам волшебной сказки, окружила себя мифами и загадками.

Литература

Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. – М., 1984.

Вастола или Желания: повесть в стихах. – СПб., 1836.

Данилевский Р.Ю. Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: из истории международных связей русской литературы. – Л., 1970.

Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя: из истории псевдонимов и анонимов. – М., 1970.

Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. – 1836. – Ч. 1.

Масанов Ю.И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. – М., 1963.

Модзалевский Б.Л. Пушкин и Ефим Петрович Люценко // Русская старина. – 1898. – Т. 94.

Неустроев В.П. Немецкая литература эпохи Просвещения. – М., 1958.

Новиков В.И. Пушкин как книгоиздатель и предприниматель [Электронный ресурс] // Балканская русистика [Электронный ресурс]. Белград, 2008. URL: <http://www.russian.slavica.org/article1265.html> (дата обращения 2 июня 2010 г.). Загл. с экрана.

Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. – СПб., 1896. – Т. 2. Плетнев – Гроту (Спб., суббота, 13 октября 1845).

Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. – М., 1989.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М., 1949. – Т. 16.

Руденская М. Пушкинский лицей: очерк-путеводитель. – Л., 1980.

Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. – М., 1962.

Томашевский Б.В. Е.Люценко // Ирой - комическая поэма. – Л., 1933.

Утков В.Г. Петр Павлович Ершов // Ершов П.П. Сузге: стихотворения, драматические произведения, проза, письма. – Иркутск, 1984.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., 1976.

Wieland C.M. Pervonte: [предуведомление] // Wieland C.M. Wielands Werke in vier Bänden. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar. – 1969. – Bd. 3.

А.А.Кирипичникова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Предклассицизм: дискуссии о термине

Поскольку предклассицизм – явление уже Нового времени, общей тенденцией которого выступает диалог отечественных традиций с западным менталитетом, представляется закономерным рассмотреть гипотезы российских ученых на фоне основных устойчивых тенденций западной науки.

Зарубежные исследователи по-разному относятся к терминам «предклассицизм» и «барокко». Так, Р.Стейси, характеризуя русскую литературу рубежа XVII-XVIII веков, использует термин «preclassicism», а также отмечает ограниченность термина «барокко» [Stacy R.H. 1974: 18]. Французский же исследователь А.Пейр считает, что термин «предклассицизм» (как и термин «предромантизм») неудачен: создаётся видимость существования некоего движения с едиными взглядами, единой программой, хотя речь идёт об отдельных писателях, не связанных друг с другом, порой являющихся противниками [Peuye H.1971:18].

В отечественном литературоведении исследователи, во многом благодаря развитию идей П.Н.Беркова, еще раньше выходят к признанию предклассицизма само-